

Двадцать восьмое января. Классная работа.

Подарок. Константин Паустовский

Каждый раз, когда приближалась осень, начинались разговоры о том, что многое в природе устроено не так, как нам бы хотелось. Зима у нас длинная, затяжная, лето гораздо короче зимы, а осень проходит мгновенно и оставляет впечатление промелькнувшей за окном золотой птицы.

Разговоры наши любил слушать внук лесника Ваня Малявин, мальчик лет пятнадцати. Он часто приходил к нам в деревню из дедовской сторожки с Урженского озера и приносил то кошелку белых грибов, то решето брусники, а то прибегал просто так – погостить у нас, послушать разговоры и почитать журнал «Вокруг света».

Толстые переплетенные тома этого журнала валялись в чулане вместе с веслами, фонарями и старым ульем. Улей был выкрашен белой клеевой краской. Она отваливалась от сухого дерева большими кусками, и Дерево под краской пахло старым воском.

Однажды Ваня принес маленькую, выкопанную с корнем березу. Корни он обложил сырым мхом и обернул рогожей.

– Это вам, – сказал он и покраснел. – Подарок. Посадите ее в деревянную кадку и поставьте в теплой комнате – она всю зиму будет зеленая.

– Зачем ты ее выкопал, чужак? – спросил Рувим.

– Вы же говорили, что вам жалко лета, – ответил Ваня. – Дед меня и надоумил. «Сбегай, говорит, на прошлогоднюю гарь, там березы-

двухлетки растут, как трава, – проходу от них нет никакого. Выкопай и отнеси Руму Исаевичу (так дед называл Рувима.) Он о лете беспокоится, вот и будет ему на студеную зиму летняя память. Оно, конечно, весело поглядеть на зеленый лист, когда на дворе снег валит как из мешка».

– Я не только о лете, я еще больше об осени жалею, – сказал Рувим и потрогал тоненькие листья березы.

Мы принесли из сарая ящик, насыпали его доверху землей и пересадили в него маленькую березу. Ящик поставили в самой светлой и теплой комнате у окна, и через день опустившиеся ветки березы поднялись, вся она повеселела, и даже листья у нее уже шумели, когда сквозной ветер врывается в комнату и в сердцах хлопал дверью.

В саду поселилась осень, но листья нашей березы оставались зелеными и живыми. Горели темным пурпуром клены, порозовел бересклет, ссыхался дикий виноград на беседке. Даже кое-где на березах в саду появились желтые пряди, как первая седина у еще нестарого человека. Но береза в комнате, казалось, все молодела. Мы не замечали у нее никаких признаков увядания.

Как-то ночью пришел первый заморозок. Он надышал холодом на стекла в доме, и они запотели, посыпал зернистым инеем крыши, захрустел под ногами. Одни только звезды как будто обрадовались первому морозу и сверкали гораздо ярче, чем в теплые летние ночи. В эту ночь я проснулся от протяжного и приятного звука – пастуший рожок пел в темноте. За окнами едва заметно голубела заря.

Я оделся и вышел в сад. Резкий воздух обмыл лицо холодной водой – сон сразу прошел. Разгорался рассвет. Синева на востоке сменилась багровой мглой, похожей на дым пожара. Мгла эта светлела, делалась прозрачнее, сквозь нее уже были видны далекие и нежные страны золотых и розовых облаков.

Ветра не было, но в саду все падали и падали листья.

Березы за одну эту ночь пожелтели до самых верхушек, и листья осыпались с них частым и печальным дождем.

Я вернулся в комнаты: в них было тепло, сонно. В бледном свете зари стояла в кадке маленькая береза, и я вдруг заметил – почти вся она за эту ночь пожелтела, и несколько лимонных листьев уже лежало на полу.

Комнатная теплота не спасла берёзу. Через день она облетела вся, как будто не хотела отставать от своих взрослых подруг, осыпавшихся в холодных лесах, рощах, на сырых по осени просторных полянах.

Ваня Малявин, Рувим и все мы были огорчены. Мы уже свыклись с мыслью, что в зимние снежные дни берёза будет зеленеть в комнатах, освещённых белым солнцем и багровым пламенем весёлых печей. Последняя память о лете исчезла.

Знакомый лесничий усмехнулся, когда мы рассказали ему о своей попытке спасти зелёную листву на берёзе.

– Это закон, – сказал он. – Закон природы. Если бы деревья не сбрасывали на зиму листья, они бы погибали от многих вещей – от тяжести снега, который нарастал бы на листьях и ломал самые толстые ветки, и от того, что к осени в листве накапливалось бы много вредных для дерева солей, и, наконец, от того, что листья продолжали бы и среди зимы испарять влагу, а мёрзлая земля не давала бы ее корням дерева, и дерево неизбежно погибло бы от зимней засухи, от жажды.

А дед Митрий, по прозвищу «Десять процентов», узнав об этой маленькой истории с берёзой, истолковал ее по-своему.

– Ты, милоч, – сказал он Рувиму, – поживи с мое, тогда и спорь. А то ты со мной все споришь, а видать, что умом пораскинуть у тебя еще времени не хватило. Нам, старым, думать способнее. У нас заботы мало – вот и прикидываем, что к чему на земле притесано и какое имеет объяснение. Взять, скажем, эту березу. Ты мне про лесничего не говори, я наперед знаю все, что он скажет. Лесничий мужи:; хитрый, он когда в Москве жил, так, говорят, на электрическом току пищу себе готовил. Может это быть пли нет?

– Может, – ответил Рувим.

– Может, может! – передразнил его дед. – А ты этот электрический ток видал? Как же ты его видал, когда он видимости из имеет, вроде как воздух? Ты про березу слушай. Промеж людей есть дружба или нет? То-то, что есть. А люди заноятся. Думают, что дружба им одним дадена, чванятся перед всяким живым существом. А дружба – она, брат, кругом, куда ни глянешь. Уж что говорить, корова с коровой дружит и зяблик с зябликом. Убей журавля, так журавлиха исчахнет, исплachtetся, места себе не найдет. И у всякой травы и дерева тоже, надо быть, дружба иногда бывает. Как же твоей березе не облететь, когда все ее товарки в лесах облетели? Какими глазами она весной на них взглянет, что скажет, когда

они зимой исстрадались, а она грелась у печки, в тепле, да в сытости, да в чистоте? Тоже совесть надо иметь.

– Ну, это ты, дед, загнул, – сказал Рувим. – С тобой не столкнешься. Дед захихикал.

– Ослаб? – спросил он язвительно. – Сдаешься? Ты со мной не заводишь, – бесполезное дело.

Дед ушел, постукивая палкой, очень довольный, уверенный в том, что победил в этом споре нас всех и заодно с нами и лесничего.

Березу мы высадили в сад, под забор, а ее желтые листья собрали и засушили между страниц «Вокруг света».

Этим и кончилась наша попытка сохранить зимой память о лете

Задание 1.

Прочитай текст с целью найти новую для себя информацию. Подчеркни предложения, которые содержат эту информацию. Перескажи текст.

В древнерусском языке было три формы числа. Существовала ещё особая форма **двойственного числа**, которая употреблялась для обозначения двух предметов. Например: *стол* – единственное число; *стола* – двойственное число, что означало «два стола»; *столы* – множественное число. Когда формы двойственного числа стали исчезать из языка, дольше всего они сохранялись у слов, называющих парные предметы: *глаза, бока, рога, рукава, берега*. (Бывшие формы двойственного числа сохранились у этих существительных до нашего времени, но уже как формы именительного падежа множественного числа.) (Е.В. Красильникова)

Задание 2.

Подбери и запиши к данным словам однокоренные имена существительные, имеющие форму только единственного числа.

Дети – ... , горошина – ... , молочный – ... , нефтяник – ... , пшеничный – ... , добряк – ... , смельчак – ... , синеет – ... , удалец – ... , маслѐнка – ... .